

Чай Цзыжань слегка опешил: «Последняя картина?» Муж Великой старшей принцессы был человеком утончённым — любил каллиграфию, разводил птиц, нрав имел кроткий и характер возвышенный. Он мог пренебречь любым делом, но никогда не забывал покормить своих пернатых питомцев и не пропускал день, чтобы не создать пару картин, полных поэтического вдохновения.

Мо Цзюцзюнь с тёмным выражением лица произнёс: «Все сожжено». Он подошёл к письменному столу, взял сборник стихов и протянул его Чай Цзыжаню: «Это редкое издание. Если хочешь — посмотри».

Чай Цзыжань не выносил, когда этот вечно холодный человек вдруг становился печальным. Не успев как следует обдумать, он уже машинально принял в руки раритетный альбом с изображением мужской любви, бегло пролистал несколько страниц — лицо оставалось невозмутимым, но внутри всё перевернулось. Пусть его манеры и были легкомысленными, настоящим негодяем он не был, поэтому даже в публичные дома, те самые обитатели красоты и страсти, он наведывался исключительно при свете дня.

В глазах Мо Цзюцзюня мелькнула улыбка, и он спросил: «В чём дело?»

Только тут Чай Цзыжань вспомнил, что явился сюда, дабы спасти народ от страданий. Но, опасаясь гнева Мо Цзюцзюня, он решил сначала вызволить из тюрьмы госпожу Суй, а уж потом подумать о Юань Хане.

Мо Цзюцзюнь, глядя на его бегающие глаза, констатировал: «Ты пришёл ко мне с просьбой».

Чай Цзыжань кивнул: «Не просьбой, а скорее предложением».

«О?» — с интересом произнёс Мо Цзюцзюнь. — «Каким?»

«Юань Хан!!!» — едва Чай Цзыжань выпалил это имя, как лицо Мо Цзюцзюня, и без того не светлое, стало совершенно мрачным. Тот благоразумно прикусил язык.

Мо Цзюцзюнь испустил струю ледяного воздуха и приподнял бровь: «Предлагаю сделку. Я отпущу госпожу Суй, а ты забудешь про Юань Хана».

«Согласен, согласен, согласен!» — неожиданная удача ошаршила Чай Цзыжаня. Он расхохотался, бросился к Мо Цзюцзюню и обнял его в порыве братских чувств: «Не вздумай передумать!»

«Господин, господин, господин!» — Суй Фэн в ужасе бросился разнимать их.

Суй Ин нахмурился: «Суй Фэн, что ты делаешь?»

Суй Фэн, верный долгу, отрапортовал: «Защищаю целомудрие господина, дабы ему снова не пришлось отсиживать полчаса в ледяной купели».

Мо Цзюцзюнь холодно взглянул на него: «Раз ты так предан, я велю тебе самому отсидеть полчаса в ледяной воде».

Суй Фэн остолбенел, наблюдая, как его господин обхватил рукой талию Чай Цзыжаня, прижал их тела друг к другу и крепко сжал в объятиях.

Не прошло и недели с прибытия Мо Цзюцзюня, как управа уезда Суую преобразилась до

неузнаваемости. Отовсюду веяло богатством, а если описать это в трёх словах, то «очень богато».

Старушка с корзинкой для овощей, закупив провизию, заодно ударила в барабан, дабы заявить о своей обиде. Двое свирепых стражников ввели её в зал суда. Кроме блестящих глаз, она ничем не отличалась от обычной покупательницы на рынке.

Мо Цзюцзюнь с важным видом ударил судебским молотком и грозно провозгласил: «Начинаем заседание!» Стражи по обеим сторонам зала, тоже стараясь соблюсти форму, забарабанили своими дубинками и затаили: «Ве... ли... чи... е...»

Завершив ритуал открытия, Мо Цзюцзюнь спросил: «Кто на скамье?»

Старушка вдруг расплакалась и жалобно произнесла: «Забыла».

Мо Цзюцзюнь нахмурился: «Тогда зачем била в барабан?»

«Обида у меня есть», — ответила бабушка.

Терпение Мо Цзюцзюня начало иссякать, и он снова грохнул молотком по столу. Чай Цзыжань, сидевший пониже, поспешно поднялся, подбежал к Мо Цзюцзюню и зашептал ему на ухо: «Тише, тише, спокойно, успокойся».

Мо Цзюцзюнь сдержался и спросил: «В чём же твоя обида?»

Старушка, разглядев, что судья облачён не в официальные одежды, а в чёрный роскошный халат с вышитым серебряным волком, расстроилась ещё больше: «Что вы такой сердитый? Прежний судья был добряк, что ни попроси — всё для нас, простого люда, делал. Позапрошлым летом собака моя пропала — сердце у меня, старухи, так и облилось кровью! Не знаю, кто стряпню из неё сварганил. Прежний судья со стражами расследование провёл, и через три дня в старой заброшенной кумирне кости моей любимицы отыскали, сваренные. Пожалел её прежний судья, велел предать огню, а потом...»

Чай Цзыжань, видя, как лицо Мо Цзюцзюня чернеет, поспешил остановить её бесконечный поток слов, вытер со лба холодный пот и спросил: «Бабушка, можно покороче, к сути дела?»

Старушка, сбита с толку вопросом, тут же забыла всю свою длинную речь и жалобно промолвила: «Я заблудилась. Домой хочу, а дороги не знаю. Обидно мне».

Чай Цзыжань: «...»

Мо Цзюцзюнь: «...»

Стражи: «...»

Чай Цзыжань махнул рукой, и один дюжий стражник отправился помогать бабушке отыскать дом. Та просияла, словно осенняя хризантема, достала из корзинки зелёный сочный лук и протянула Чай Цзыжаню: «Секретарь Цзыжань, вы и впрямь добряк, прямо как прежний!»

«...» Услышав, что и прежнего судью старуха наградила тем же эпитетом, Чай Цзыжаню стало как-то не по себе.

Мо Цзюцзюнь холодным взглядом проводил бабушку, которая, бормоча, уводила за собой стражника с недовольной физиономией. Он ещё не успел произнести формальное «Заседание

закрыто!», как снаружи вновь забарабанили в барабан. Сдерживая раздражение, он крикнул: «Вести!»

Стражник вышел и вскоре вернулся с двумя молодыми людьми, каждый из которых нёс на руках какое-то животное. Увидев Мо Цзюцзюня, они почтительно опустили на колени: «Приветствуем справедливого судью!»

Эти двое не походили на бездельников, но маленькие зверьки в их руках явно намекали на пустяковое дело. Чай Цзыжань, видя, что терпение Мо Цзюцзюня на исходе, надеялся, что тот не станет говорить, ибо слова его были бы предсказуемы: «Нарушение порядка в зале суда — плети!», «Препятствие службе — палки!» или же «Чушь собачья — пощёчины!» Чай Цзыжань прочистил горло, велел им встать и спросил: «В чём ваша обида?»

Женщина достала из рукава лист бумаги и передала стражнику: «Вот моя жалоба. Я обвиняю его...» — она с праведным гневом указала на молодого человека рядом — «Его сын совершил надо мной насилие!» С этими словами она разрыдалась.

Мо Цзюцзюнь нахмурился, ударил молотком и, наконец заинтересовавшись делом, велел: «Говорите всё как есть, и без утайки!» Даже жалобу, эту формальную бумажку, отбросил в сторону.

Чай Цзыжань, видя его оживление, молча вернулся на своё место, внимательно наблюдая за молодыми людьми и их «детьми». История с сыном была запутанной, и Мо Цзюцзюнь, судя по всему знакомый лишь с эротическими рисунками мужской любви, вряд ли сразу постиг бы её глубокий смысл.

Женщина, всхлипывая, произнесла: «Я местная жительница уезда Суюй, зовут Чжан Цаоцао. Вчера под вечер я вышла прогуляться на свежий ветерок, а его сын, воспользовавшись моим отсутствием, устроил в моей постели беспорядок, залёг там в засаду и, когда я вернулась прибраться... он... он... у-у-у-у...»

Выражение лица Мо Цзюцзюня менялось, а взгляд был прикован к молодому человеку. Тому едва за двадцать. Даже если бы он зачал сына в тринадцать, тому сейчас не могло быть больше десяти. Как же десятилетний отрок мог проникнуть в дом взрослой женщины и попытаться совершить над ней насилие?

Мо Цзюцзюнь ещё размышлял, когда мужчина возопил: «Судья, напраслина! Сын мой — душа чистая, я с младых ногтей его воспитывал, во всём он в отца пошёл, никогда бы не совершил такого грязного дела!» Он гневно ткнул пальцем в сторону женщины и вытаращил глаза: «Верно, эта женщина, зная, что сын мой рыбку любит, приманила его, дабы в беду втолкнуть и под суд подвести. Судья, помилуй!» — и он ударил челом Мо Цзюцзюню, залившись слезами.

«Врёшь!» — женщина в ужасе взвизгнула, дрожащим пальцем указывая на него. — «Сметь перед судьёй правду перевернуть, окаянный!» Она закрыла лицо руками и зарыдала: «Сын его хоть и вломился ко мне с дурными намерениями, да я проворная, увернулась да ещё и пнула его, чтоб свалился. Но он, злодей, отомстил моей дочурке, над ней надругался. А дочурке-то всего полгода, а уж беременна!»

«И такое на свете бывает!» — Мо Цзюцзюнь остолбенел. — «Полугодовалый младенец — и уже беременный?»

Женщина опешила.

<http://bllate.org/book/15931/1423909>